

АНДРЕЙ ИСАКОВ-КИПРОВИЧ

Ангел —
слово женского рода

избранная любовная лирика

Андрей Исаков-Кипрович
Ангел – слово женского рода.
Избранная любовная лирика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44073427
ISBN 9785005038050*

Аннотация

Естественность – божественная метка, Живу как есть и радуюсь тому, Что близким я – кремлевская таблетка, А дальним – как маяк на берегу.

Содержание

Из цикла	5
Предисловие	5
Ты – обожание мое	6
Моему ангелу, моей дочери Софии посвящаю...	8
Боже, дай мне...	11
Сон королевы	14
Облачко	15
И все-таки Ассоль	17
Я просто мнительный – и все тут...	19
Посвящение учебному театру школы- студии МХАТ	21
Я – земной мужчина!	25
Не пропадай	27
Солнечный лучик	29
Видение	31
Офицерские жены	32
Здравши в небо взгляд туманно	35
Спасибо, милая, за то	37
Ты – азиатка	39
Пора...	41
«До»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Ангел – слово
женского рода
Избранная
любовная лирика**

Андрей Исаков-Кипрович

© Андрей Исаков-Кипрович, 2019

ISBN 978-5-0050-3805-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из цикла «Ты – обожание мое»

Предисловие

*Естественность – божественная метка,
Живу как есть и радуюсь тому,
Что ближним я – кремлевская отметка,
А дальним – как маяк на берегу.*

Ты – обожание мое

В душе моей играет чудо
И струны – ангел во плоти,
Крылом касается с причудой,
Что отдается изнутри.

Я не монах, им не родился,
Корысти больше на лице,
Но ты пришла, и приоткрылся
Путь самый чистый на земле.

Через него уходят к богу
И возвращаются назад,
Беря от мира понемногу...
Зачем он там?

Где райский сад,
Где я лежу, раскинув руки,
Обняв все небо до краев,
Где только ты, и нет разлуки,
И нет величья пошлых слов.

Где теплый ветер гладит травы,
Она касается лица,
И на него никто отравы
Не брызнет тяжестью свинца...

Какое чудо – эти встречи,
Ты – обожание мое,
Я каждый раз, обняв за плечи,
Ищу там крылышко твое.

Моему ангелу, моей дочери Софии посвящаю...

Мне ангел на плечи кладет свои руки,
Когда я по лестнице к небу иду,
Еще кладет ноги, кряхтя от натуги,
Оставив крылом на стене борозду.

До неба недолго – двенадцать ступеней,
Да годика три, что мой ангел вырослел,
Он с неба сошел и поднялся с коленей,
Потом прикоснулся и душу прогрел.

Свой свет излучая на древо вагонки,
Которой обит был семейный ковчег,
Заставил светиться картины-иконки
И стены белеть, как нetaющий снег.

Он рамы окошек раздвинул, играя,
Неведомой меркой, стирая углы,
Что даже моя бородища седая
Вдруг стала темнеть до оттенка метлы.

Ко лбу прикоснулись две чистых ладошки,
Ведя по скрипучей меж древа перил,
Что жизнь до него? – это так, понарошку,
Я просто ходил, а теперь воспарил

За грани корысти, вранья и прогиба,
За грани придуманной прожитой лжи,
За грани ума, что страдал от ушиба
О стены, которых считал – витражи!
За грани простого, почти что святого,
В которое верить – всегда выше сил,
Такое дороже всего дорогого
Понять, оглянувшись, как пусто ты жил.

Мы ближе не к небу, а к господу Богу,
Ведь он посылает себя во плоти,
Пусть в образе ангела нам на дорогу,
А мы, повстречав, должны это нести.

Вот так и несу свою дочку по дому,
У ангела тоже кроватка вверху...

Я все бы отдал человечку родному,
Лишь рядышком быть, на виду, на слуху.

Боже, дай мне...

Боже, дай мне порог, где присела собака,
А за ней в глубине тонкий чайника свист,
Боже, сделай мне так, чтобы знак зодиака
Был над ним безупречен и сказочно чист.

Боже, дай мне окно, что открыто навстречу —
Там сквозь штору несутся детей голоса,
Боже, дай мне молитву, где боль не замечу,
Если чье-то свеченье затмит образа.

Боже, дай мне любовь, что рождает ребенка,
Когда я превращаюсь желаньем в тебя,
Постели плащаницу ему как пеленку,
Мокрый волос перстами своими крестя.

Боже, дай мне прощенье, что слишком не честен,
И прости мою совесть, снимая с креста,
Наверху еще я по делам неуместен,
А внизу уже точно не стою хлыста.

Боже, дай захлебнуться от радости дикой,
Свою дочь поднимая на крепких руках,
Боже, дай продолженье той жизни великой,
Отражая свой путь в мелких детских следах.

Боже, дай осознать, что удача не вечна,
Чтоб простить все друзьям и оставить врагам,
И уходом своим подтверждать бесконечно
Свою сущность, подвластной небесным страстям.

Боже, дай иссушить слезы брошенных мною
И отдать свою кровь для порезанных вен,
Боже, дай искупить пусть ценою любой,
Лишь, прошу одного, не сдавай снова в плен.

Боже, в гены вживи эту память о прошлом,
Чтобы на пыльном надгробье с заглавием А
Палец чьей-то руки не нашкрябал о пошлом,
Лучше это надгробье разрушь без следа!

Боже, дай мне увидеть, что доброе дело
Бескорыстно я нес и кому-то донес,
Боже, дай не разбить мою душу об тело,
Где горячее сердце билось вразнос.

Боже, дай улыбнуться тому, кто не верит,
И обнять всех ушедших туда до меня,
Боже, дай до конца не закрыть эти двери,
Ну, хотя бы до вечера этого дня.

Боже, дай мне богатство, неважно, какого,
Чтоб хватило отдать, погашая долги,
Я свой грех распилю, как тельца золотого,
И на крест переплаваю, прошу: – Помогите!

Мне не надо большого и вечного тоже,
Сделай так, чтобы кто-то нуждался во мне...

Может, лишнее в просьбе, но верится все же,
Что так будет.

Что истина тоже во мне.

Сон королевы

Тепло плечу.

Еще рассвет
Не опалил черты овала,
Не спит уже ваш страж от бед,
Хранитель вечного начала.

О, Королева, ваш покой
Храню по вере и по праву,
И крест любви над головой
Греховность дел и слов отраву
От дум высоких отведет....

Рука закинута устало,
Я – трон ваш царский и оплот,
Для власти значащий немало.
Расплескан волос по груди
Златой сверкающей водицей,
А больше кто озолотит?

О, Королева, пусть вам спится.

Облачко

Эй, облачко, стой-ка, послушай,
Летишь все равно на восток,
Скользишь невесомо над сушей,
Как белый рассыпанный стог.

Возьми же с собой по дороге,
Туда, где любимая ждет,
Обнявшие сердце тревоги,
Любовь, что вздохнуть не дает.

Запомни: за талой водицей
В тени на лесном берегу
Так ждет и горюет девица,
Как я горевать лишь могу!

Спусти ей на чистые руки
Такой долгожданный привет,
Навей мелодичные звуки,
Пусти яркий солнечный свет.

Скажи:

– Расставаться недолго,
Немного еще подожди,
Моя исхудала кошолка,
Следы затоптали дожди,

Прошедшие дали забылись,
Осталось чуть-чуть до тебя...

А облачко мимо катилось,
Совсем не услышав меня!

И все-таки Ассоль

Мне кажется, «Ассоль» написана недавно,
И милый добрый Грей вот-вот и подплывет,
И ловкий длинный гюйс, кружа в лучах забавно,
Из сказочной страны с собою позовет.

Там дальний горизонт привязан берегами,
Не хочет отпускать давно плывущий бриг,
За белую каймой, набитую волнами,
Две чайки – две души – рождают долгий крик.

Уходит мрак ночной, гонимый маяками,
За розовый восход, за яркий ореол,
И крепкий старый мол, отесанный веками,
Причалит насовсем, как прошлого оскол.

Он огненной слезой поманит среди мелей,
Великим маяком пронзит навстречу ночь,
И штурман верный курс проложит к этой цели,
О, сколько судьбам ты сумел вот так помочь!

Так пусть моя Ассоль дождетя все же Грея,
И алый взлет крылом закончат паруса,
Там много лет ждала, терпела, не жалея,

Пусть разглядят корабль усталые глаза.
Твой принц еще в пути, под знаком Водолея,
И солью штормовой обветрено лицо,
Но крепче всех узлов и выше всякой реи
Твои любовь и жизнь, сплетенные в кольцо.

Я просто мнительный – и все тут...

Замок дверной пускать не станет,
Если вдруг прошлое придет,
Пускай оно в глазок лишь глянет
И никуда не позовет.
Задернут полог в беспорядке,
Застыла пыль на зеркалах,
Нет – на лице, где взгляд украдкой
Себя увидел впопыхах.

Гардины смяты тишиною,
Спиной широкой мир прикрыв,
А что храните пред собою?
Никчемность, пустоту, разрыв?

Подсвечник умер в груди воска,
Но нет – не в воске, а в огне,
Огонь потух, застыв неброско
Клочком тепла, и в темноте
Сменились тени на просветы,
И там, на книжных стеллажах,
Топтались кони до рассвета
В игристо-яблочных тонах.
Кувшин летел разбитый на пол,

Подковой сбитый сгоряча,
О нем божок восточный плакал
С облезлой краской у плеча.

Картины, лица, очертанья,
Крал сумрак дальше в глубине,
И в нем туманность созерцанья
Рождала образы во мне.
То ли реальность, то ли грезы
Струились по крутым углам,
Но нет – то запах розы
На твоих худеньких щеках.

Воскрес иль сгинул без кровинки,
Добро иль чудо, смех иль боль?
А сквозь меня, как по тропинке,
Сбегала крошечка Ассоль.

Посвящение учебному театру школы-студии МХАТ

*Жениться на актрисах запрещали до революции
детям благородных сословий.*

Часть первая

Я в тайны театра вхожу за тобой,
Его как живого касаюсь рукой,
И кажется сложное очень простым...
Из трубки клубами качается дым.
Мне, правда, обидно за трубку мою,
Не в моде она, но ее закурю,
Овея дымами круг этих людей,
Которые в мире великих страстей.

Вдохнув, не спеша, затянувшись до дна,
Пушу по рукам, словно чашу вина,
В молчанье глубоком пытаюсь понять,
Чем так высока та актерская рать.

Часть вторая

Сквозь люд продираясь заливший вокзал,
Глазами фигуру твою я искал,

Висок мне толкала упрямая мысль:
Ее же здесь нет, не ищи, отвернись.
Но чудо, как молот, стучало в груди:
– А может быть, правда, вон там, впереди,
На цыпочки встав у табло поездов,
А может, и правда, опять повезло?
Глаза словно блюдца, черпнувшие мир,
(Сравнений других, не затертых до дыр,
Никак не являлось больной голове,
Какие шедевры в такое суете?)

И волос, как снег налетевший сквозняк
Навстречу мне бросит, трепая вот так!

Но проще и чище несли провода
Слова, что скопились за эти года,
И, тело твое невесомо подняв,
Крутил, все законы вращения поправ.

Надежда, надежда, так много в тебе
Спасенья для тех, кто ошибся в судьбе,
Неправильно начал и бьется об лед...
Ответь же, надежда, а нам повезет?

Часть третья

Товарищ зритель, из галерки в партер

Спуститесь вниз, займите первый ряд,
Вас примут люди, кому сцена – парта,
Вы – им учитель, и судья, и брат.
Пока игра, но будем откровенны,
Край сцены – Рубикон, что перейден,
Когортою желающих забвенно,
Актерскою когортой всех времен.

Игра и жизнь для них не делимы,
И, постепенно вовлекаясь в круг,
Перестаете видеть пантомимы,
Ни грим, ни жест и ни движенье рук,

А главное – не видится различий,
Что не понять, где зритель, где актер,
Где вам так хочется без правил и приличий
Войти туда и поддержать костер.

И в пламени расплавятся кулисы,
Взлетит, кружась, декоративный прах,
Театр из этюдов и эскизов
Пробьется в вас на совесть и на страх!

Тот свет огня на лица ляжет прямо,
Зал – мир большой, где поровну всего,
И пара рука не выдаст фальши в гамме
(Чего оценят в оркестровой яме),
А зазвучит весомо и легко...

Играли вы! А может, не играли,
А вжились в них, забыв про первый ряд...

Жениться на актрисах запрещали
Недавно, век один-другой назад.

Я – земной мужчина!

Когда веселая, в мурашку
Ты выползаешь из воды,
Я отдаю свою рубашку
Во искупление вины.

И, прижимаясь теплым телом,
Надеюсь страх свой утопить,
Хотеть и быть таким несмелым,
Ну что же хуже может быть?

Снимая трепетно травинку
С твоей чудесной головы,
Рисует разум ту (!) картинку,
Но толку нет с того – увы!

Не потому, что очень жарко
И что стою на берегу,
Я на желание эмбарго
Кладу, кладу в своем мозгу.

Ведь ты русалка!
Твой купальник
До капли выжат, влажность – ноль,
Я своей страсти не начальник,
И не слуга, и не король,

А просто любящий мужчина
(Жаль, не упырь, не водяной)...

Ну, вот – придумана причина
Благоволить тебя такой!

Не пропадай

Не пропадай. Я прожил без тебя,
Как проживают плача и ликуя,
Себя даря, а у других воруя,
Не пропадай – я – вор, но у себя.

Не пропадай. Я верил без тебя
В другие веры, будто в аксиомы,
Но если ты – мой результат искомый?
Не пропадай – я нолик без тебя.

Не пропадай. Я трогал без тебя
Летящий волос, огненные пальцы
И убивал потом в себе страдальца...
Не пропадай, мне плохо без тебя.

Не пропадай. Я выпил без тебя
За стольких смертных моего народа,
От пожеланий даже сбился с счета,
Не пропадай – я трезвый без тебя.

Не пропадай. Я вынес без тебя
Телесно и душевно боль и радость,
Уже казалось, что осталось малость,
Не пропадай, ну что я без тебя?

Не пропадай. А если пропадешь,
Так вырывают парные страницы,
Вновь сочинять, заглядывая в лица?
Не пропадай, прошу, не пропадай!

Солнечный лучик

Выходит редко муза за поэта.

Речь о тебе, но все же не о том,
Ты просто лучик солнечного света,
О ком не скажешь, о своем ручном.

И если его в зеркальце поймашь,
Недолгим будет мой мужской восторг,
Одно движенье – и его теряешь,
Как только в дом шагнешь через порог.

Ведь он живет на воле и с ветрами,
Рожденный не в дому углы светить...

Сверкай же нам, всем нам под небесами,
А мой удел – его ловить, ловить.

Видение

*Дуновеньем вошла и исчезла,
Полупрофиль растаял как тень,
Только спинка изящного кресла
Все качалась, баюкая день...*

Окунает каленую медь
Солнце в холод соленого гребня,
Ветер шелк очень хочет надеть
На паренье воздушного стебля,

Восходящим потоком тепло
Словно под руки высит аллею,
Льется запах навстречу стеклом,
На нее, через, над и за нею.

Легкий бриз опахала ветвей
Над ее головою качает,
Шаг скользит и скользит вслед ювей,
Образ, зарево, рок излучает!

За плечами неслышанный шлейф,
Тонкой звездочкой родинка тает,
И прибой, как прирученный лев,
С-под камней пену лап убирает...

Офицерские жены

*Маме моей Римме Николаевне и сестре Эле
посвящаю*

Обманчиво тихо цикады
Баюкают летнюю тьму,
Не верят им только наряды,
Ушедшие по одному.

Во сне разметался Валера —
Спит сын – утомился солдат,
Не спится опять офицерам,
И жены их тоже не спят.

Обманчиво братство лесное,
Обрывистых троп высота,
За ними таится чужое,
И чуждая нам красота.

Столбы, прорастая сквозь камни,
Прервали небесный поклон,
От них виден свет через ставни
Домов, подпирающих склон.

Другая и чуждая вера
Бросает сюда вязкий взгляд,

Не спится опять офицерам,
И женам не спится опять.

Взрывает сигналка природу —
И бьет в тишину острие,
Дежурный влетает и с ходу:
– Тревога! Застава в ружье!
Колотятся крупной дробью
Подковы тяжелых сапог,
А лампа пульсирует кровью,
Проливой в схождение дорог.

Прижмет муж в дверях крепко, скупое,
У сына поправит кровать...
Умчалась тревожная группа,
И женам не спится опять.

Как тянется ночь безразмерно,
Не спится – ложись не ложись,
За годы набралось, наверно,
Еще одна целая жизнь.

Но, скрипнув, застынут колеса,
Дежурный прикажет: – Отбой!
Фуражка, задевшая росы,
Повесится женской рукой.

И снова граница барьером,
Как нерв, как звенящий канат...

Заснули, устав, офицеры,

А жены, а жены не спят.

Здравши в небо взгляд туманно

Здравши в небо взгляд туманно,
Рисую оком силуэт,
И там выходит, как ни странно,
До боли вычурный портрет.

С утра художник прозорливо
Осмыслил давнее вчера,
И взгляд ведет несуетливо
Изгиб знакомого бедра.

Вот тучи сгрудились над телом,
Тенями смазались соски,
Открыты призрачно на белом
И ветром порваны в куски.

Такая странная картина —
Под задом мягкая трава,
Под боком речка, где сквозь тину
Видна на небе голова.
И профиль носика и губки,
Чью сладость помню до сих пор,
Вот дымка веет вместо юбки,
Прозрачно-голубой колор.
Забросив руки в изголовье,
Рисую деву в неглиже,

Что на психическом здоровье
Сказалось, думаю, уже.

Любовью небо загрузуя,
Интимно-ласковым мазком,
Творю шедевр легко и всуе
Тебя – бегущей босиком.

Какая ширь какой картины:
Откос, травиночка во рту,
Лишь запах пастбищной скотины
Мешает чують наготу.

Спасибо, милая, за то

Спасибо, милая, за то,
Что я укрыт твоим крылом,
Оно собой оберегло,
Когда вокруг огнем зажгло.

Была черта, за ней беда,
Мои следы туда вели.
Друзья меня не сберегли,
И только ты помочь смогла.
Прорвалась чайкой сквозь огонь,
Спалив короткий мягкий пух,
Костер у ног моих потух,
Как присмиривший буйный конь.

Тебя прижав к своей груди,
Кричал и плакал я навзрыд,
И чужден был обычный стыд
Пред миром, вставшим позади.

Нет, не было нежнее слов,
Чем я шептал тебе сквозь стон,
Над нами тени черных крон
Сомкнулись, образуя кров.
И два обугленных крыла
В моей ладони умерли,

В душе все звуки замерли,
И песня в сердце умерла.

Спасибо, милая, за то,
Что до сих пор твоим крылом
Я укрываюсь как щитом,
Когда подступит снова зло.

Ты – азиатка

Ты – азиатка. Из глубин меня
Восходишь молча в ярости набега,
Где веру взять перебороть себя,
Когда стрелою этот взгляд с- под века.

Ты – азиатка. Мой аркан из рук
Летит, сжимая виртуальность в точку,
Немеет чувство. Слышишь этот звук?
Но берегись – не то поджаришь мочку.

Ты – азиатка. Я попал в полон,
Привязанный за потной кобылицей
Бегу во след, забыв про кров и сон,
И верю, что так будет вечно длиться.

Ты – азиатка. На тебе роса
Слепит глаза и затмевает краски,
И бронза кож и медные власа
Из дико-дикой, но прекрасной сказки.

А кто же я? былинный богатырь
Покорно бросил тяжкие доспехи,
Ведь ты не враг, не пришлый, не упырь,
И дом стоит и не горит у стрехи.

Ты – азиатка. Но сочится страсть,
Твой пыльный образ расстилая рядом...

Ну как, скажи, припасть и не пропасть
И насладиться этим терпким ядом.

Пора...

Когда раздастся стук,
Потом еще звонок,
И, разрывая круг из рук,
Я щелкаю замок...

И страшно за проем,
Хотя давно не трус,
Но в воздухе, насквозь чужом,
Вздохнуть его боюсь.

За угол – и уже
Обратный вряд ли путь,
Но в этом кураже уже
Назад не повернуть.

Последний тот призыв,
Когда звучит труба,
Но я пока что жив и жив,
И не дрожит губа.

Конечен ли погост?
Когда остались те,
Кто заменил твой пост и в рост,
Скучают по тебе.

А значит, тот исход
Зажатою чекой
Дает еще разок восход
Увидеть над рекой.

И вместо темноты

Придет рассвет в окно,
Живые в нем цветы и ты
И неизвестно дно.

Пускай стучат и ждут,
Мне хочется успеть
Еще накрыть обед из блюд
И рядом посидеть.

Не надо, не зови,
Я сам приду в тот час,
Когда умрет весь мир в любви,
Но там не будет нас.

«До»

Ты мой плот и мой брод, что спасет, проведет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.